

человека позитивные чувства, потому что все знают дверь КГБ: в 1930-е годы каждый второй в стране был готов её поджечь. Павленский реализовал мысли народа. Причём акция очень красиво сделана. Если бы Павленский был толстеньким, с пивным брюшком, то было бы не так эффектно. Но он обладает удивительно библейским телом — прямо Раннее Возрождение — святой Себастьян. У него изумительно длинные ноги, руки, запястья — чистая жертва любого режима. С другой стороны, появилась масса людей, которая современное искусство и активизм сводит только к этому. А это не всё.

Мне больше нравится арт-группа «Война». Я был в числе тех членов жюри, кто выдвинул их на государственную премию «Инновация» в 2011 году — тогда можно было резвиться. Когда созданный ребятами памятник «поднялся» напротив дома ФСБ, с которым связано много воспоминаний о великих людях, там замученных, то растерялись все... Это происходило ровно пять минут. Люди спрашивали: «Искусство это или нет?» А Зураб Церетели сказал: «Если хорошо нарисовано — искусство». Нарисовано хорошо и придумано хорошо!

Главное в этом — вечное русское (и не только!) желание показать попу власти. Потом прошла акция Pussy Riot, которая взволновала всю Россию. Станный момент — почему именно она? Конечно, дело в культуре. У нас культура серьёзная. Она или светоч, или тёмное царство.

В Милане я заметил кое-что интересное. Маурицио Каттелан, один из самых мощных художников, поставил напротив здания фондовой биржи самый неприличный жест. И ни один бизнесмен не написал, что это нарушает его личные моральные ценности. Это говорит об определённом типе культуры, которая открыта для насмешек.

На самом деле шок — древняя история. Вечная игра на обмане, на каком-то приёме. Можно вспомнить знаменитую вещь Гюстава Курбе «Происхождение мира», которая вызвала огромное количество споров. Или дюшановский писсуар. В общественном сознании непонимание того, как от-

дельный предмет может быть предметом искусства, живёт до сих пор.

Шок — это инструмент. Точно так же, как рисунок. Сейчас вообще будет время формализма. Недаром на неделе открывается выставка Гелия Коржева в Третьяковке. Гелий Коржев — очень крупная величина. Совершенно непонятая! Кабаков — гениальный художник. С одной стороны — в плане мышления, он самый «головной» русский художник, а Коржев — в плане формы и нарративности, с другой. Скажи вы мне это 25 лет назад,

ДАЖЕ ПРОФЕССИОНАЛЫ, ЧТО ОЧЕНЬ СТРАННО, НЕ ЗНАЮТ ИСТОРИИ ИСКУССТВ. И ЭТО ГИБЕЛЬ

я бы ответил: «Вы смеётесь?! Он же советский! У него же иконостас советских орденов, триптих «Коммунисты»...» Потом я понял: да это же великий русский художник неудачи! Огромный драматический сериал русской судьбы. Настоящий, пережитый. Это другое отношение к тематизму, другое отношение к соцреализму. Он один такой, а все остальные, деревенщики и прочие, на голову ниже. А мы были неспособны это понять... Вот пример искусства без шока. Очень гуманный художник.

Со времён Возрождения искусство было на грани физиологии, на грани «ковыряния» в теле. Появлялось желание у таких ребят, как Босх или Рембрандт, поковыряться в строении. Всё это вернулось в тяжёлом виде после войны, в венской школе акционизма. Герман Нич и целая команда художников, которые по два-три дня могли работать с собственными телами, с тушами животных. Нашим было трудно это воспроизвести. Всё хорошо один раз.

Есть в акционизме и замечательный, по-моему, художник Марина Абрамович. У неё исключительно человеческий плодотворный шок. Простейшая акция «Невесомость», когда она со своим другом стоит обнажённая в дверях, и каждый зритель, проходя через них, должен к ней прикоснуться. Это такой шок для современных людей —

прикосновение к другому голому человеку. Видно было: люди уже не рады, что пришли. Вторая мощная акция — «В присутствии художника». Тогда тысячи людей садились напротив и смотрели ей в глаза. Кто пытался юлить, кто пытался заигрывать, кто впадал в транс. Вот это шок на позитиве. Гораздо глубже, чем политическая акция. Здесь задействованы гуманные страхи сознания.

Беда современного искусства в том, что институций много, а художников мало. Каждая юная девушка мечтает стать куратором. И ни художники, ни кураторы не понимают контекстов. Даже профессионалы, что очень странно, не знают истории искусств. И это гибель.

Как-то удивительным образом получается, что все мировые кураторы совпадают. До неприятности. В каждом музее мира один набор художников, которым сейчас по 40–60 лет. Мы захотели быть как Запад. Галереи мобилизовали художников, использовали их. Коллекционеров нет, рынка тоже нет и не будет в ближайшее время по понятным соображениям. Все богатые коллекционеры перешли на Запад.

Сейчас мы делаем ставку на иранское искусство, хотя раньше смотрели на китайское. Они взяли соц-арт и переработали его, снабдили новым масштабом. Потом было индийское типа Капура. И третье, так как, в общем, источников мало, — это стабильная группа иранцев, живущих в Лондоне, которые по-другому относятся к своей классике. У них очень тонкие, исчезающие вещи. Будет в искусстве такая небольшая иранская глава, если они смогут это закрепить в сознании мира. Вот мы не очень смогли закрепить. Закрепилась только передовая линия Ильи Кабакова и его современников, а линии 50-летних и 40-летних совсем не видно на мировом рынке.

Чего не хватает в русском искусстве послевоенном? И почему оно всё-таки не вышло на мировой уровень? Я считаю, что не хватает того, что было у арт-группы Zero, когда в 1950-е годы художники обратились к таким простым вещам, как земля, воздух, геометрия, движение. У нас этого не было. Наши художники всегда тяготели к идейности. ■